

Корней ЧУКОВСКИЙ

ЧТО ВСПОМНИЛОСЬ

1.

В 1902 году польский символист Станислав Пшибышевский посетил ненадолго Одессу. Из его рассказов мне запомнился один, очень короткий — об Ибсене.

С Ибсеном его познакомили в Осло на каком-то официальном собрании. Ибсен пожал ему руку и, не глядя на него, произнес:

— Я никогда не слышал вашего имени. Я никогда не читал ваших книг. Но по вашему лицу я вижу, что вы борец. Боритесь, и вы достигнете своего. Будьте здоровы.

Пшибышевский был счастлив. Через неделю он увидел Ибсена на улице:

— Я Пшибышевский, здравствуйте! Ибсен пожал ему руку и, не глядя на него, произнес:

— Я никогда не слышал вашего имени. Я никогда не читал ваших книг. Но по вашему лицу я вижу, что вы борец. Боритесь, и вы достигнете своего. Будьте здоровы.

2.

Запись в моем альманахе «Чукккала»:

«Было когда-то удивительное время: Входил в булочную нищий. Крестился на образа.»

Потом:

— Ситный есть?

— Есть.

— Телый?

— Как же...

— Ну, тогда подайте милостыньку, Христа ради.

А. КУПРИН.

13 марта 1919 г.».

3.

В той же «Чукккале» — на одной из дальнейших страниц:

«Федин уехал в Крым за неделю до землетрясения.»

Слонимский сказал:

— Федин уехал встряхнуться.

Так и вышло.

Иеромонах Е. ШВАРЦ.

18 сентября 1927».

4.

Евгений Львович Шварц, драматург, автор «Тени», «Дракона», «Обыкновенного чуда», до сих пор не вполне оценен современниками. Это был большой и своеобразный талант, со своим собственным обаятельным стилем, один из самых остроумных людей, каких я когда-либо знал.

Некоторые из его шуточных экспромтов сохранились в моем альманахе «Чукккала». Один из них воспроизводится здесь. Написан он по поводу того, что некий администратор, человек бестолково запальчивый, внезапно из пустого упрямства отказался уплатить гонорар ряду авторов (в том числе Юрию Тынянову). Экспромт пародирует речь этого сумбурного деятеля, вскоре уволенного «за самодурство».

АВТОРЫ И ЛЕНГИЗ

*Все у нас идет гладко,
Только авторы ведут себя гадко.
Прямо сказать неприятно —
Не желают работать бесплатно.
Все время предъявляют претензии:
Плати им за рукописи, и за рецензии,
И за отзывы, и за иллюстрации,
Так и тают, так и тают ассигнации.*

*Невольны являются думы —
Для чего им такие суммы?
Может, они пьют пиво?
Может, ведут себя игриво?
Может, занимаются азартной игрой?
Может, едят бутерброды с икрой?
Нельзя допустить разврата
Среди сотрудников Госиздата.*

Евгений ШВАРЦ

5.

Есть редкостный снимок: Василий Иванович Качалов сидит на диване и сладко зеваает. Рядом с ним милая девочка с черными веселыми глазами.

Этот снимок Василий Иванович вклеил собственноручно в «Чукккалу» и тут же рядом поместил другой, изображающий двух артисток МХАТа — А. О. Степанову и К. Н. Еланскую, с дружеской лаской прильнувших к нему.

Эти снимки служат иллюстрациями к такому экспромту Василия Ивановича:

— Вы любите ль детей? —

Был спрошен раз Корней Чукковский.

— Люблю, — он отвечал, —

Уж я таковский, —

Я б без детей пропал.

*А я, как видите, с детьми зеваю.
Детей постарше, вот хотя б таких,
Как эти две, люблю и уважаю,
Но всякий интерес ко мне у них затих,
И в них уж я теперь зевоту вызываю.*

И подпись:

*Другу детей от впадающего в детство
Василия Качалова.*

4 ноября 1939 (года)

Барвиха.

Приложенные к тексту иллюстрации полностью опровергают напраслину, ко-

торую в этих стихах Василий Иванович возвел на себя. Если всмотреться внимательно, можно заметить, что причина его зевоты отнюдь не ребенок, а та газета, которая простерта у него на коленях. И если кого называть другом детей, то, конечно, раньше всего Василия Ивановича. «...Его никогда не чуждались и не боялись дети, — говорит С. Я. Маршак в своих чудесных воспоминаниях о нем. — С детьми Василий Иванович разговаривал так же серьезно и любезно, как со взрослыми. И дети надолго запомнили этого вежливого большого человека, который низко склонялся, чтобы острожно пожать маленькую, облепленную влажным песком ручонку...»

Другой фотоснимок служит таким же опровержением текста: обе артистки так любовно и ласково смотрят на своего старшего друга, что жаловаться на их равнодушие можно, только сильно отклонившись от истины.

6.

В 1928 году в моей жизни произошло большое событие: я познакомился с великим армянским поэтом Аветиком Исаакяном.

Он отдыхал тогда в санатории ЦЕКУБУ, в Кисловодске. Немного сутулый, без всяких претензий на поэтический облик, словно удрученный какой-то неотступной печалью, он явно старался ничем не выделяться среди обширной толпы отдыхающих. Было в нем что-то простонародное в высоком значении этого слова, живо напоминавшее мне типичных армянских крестьян, и в то же время утонченное, одухотворенное.

К стуху своему, я знал его творчество лишь по переводам Александра Блока, из которых я помнил, да и то не совсем, три или четыре строфы:

*— Да, я знаю, всегда есть чужая страна,
Есть душа в той далекой стране.
И грустна, и, как я, одинока она,
И сгорает, и рвется ко мне.*

*Даже кажется мне, что к далекой руке
Я прильнул поцелуем святым,
Что рукой провожу в неисходной тоске
По ее волосам золотым...*

Я прочитал эти стихи одному из кисловодских армян, часто посещавших Аветика. Он сообщил мне, что теперь эти стихи имеют для поэта особое значение, так как поэт тоскует по любимой жене, которая живет за рубежом и не может вернуться к нему.

В санатории ЦЕКУБУ был обычай устраивать литературные вечера. На одном из таких вечеров я в присутствии всех отдыхающих, среди которых был и Аветик Исаакян, прочитал его стихотворение, которое знал наизусть:

*Запевает кузнечик в крававых полях,
И в объятьях предсмертного сна,
Видит павший гайдук, видит в сонных
мечтах,
Что свободна родная страна...*

Аветик Исаакян сидел в третьем или четвертом ряду, и, услышав, что я читаю его стихи, закрыл лицо руками, и в ответ на рукоплескания собравшихся чуть-чуть приподнялся на своем месте, и застенчиво раскланялся с ними.

В тот же вечер он написал мне в мою «Чукккалу» несколько приветливых слов по-армянски; этот драгоценный автограф — одна из самых больших достопримечательностей моей «Чукккалы».

Вскоре мне пришлось убедиться в огромной популярности поэта. Понадобились мне как-то шнурки для ботинок. Я сбежал вниз на бульвар к чистильщику сапог, армянину, и, выбрав пару хороших шнурков, достал кошелек, чтобы заплатить за покупку. Но чистильщик сделал жест великодушного герцога и потребовал:

— Спрячь кошелек!

Оказалось, как объяснили мне другие армяне, стоявшие вокруг его ларька, этот чистильщик видел, как я сопровождал Аветика во время его прогулки по городу, и одно это внушило ему такое уважение ко мне, что он счел невозможным взять с меня плату.

7.

Надеюсь, читатели уже успели заметить, что большим подспорьем для моей стариковской памяти служит мне мой альманах, носящий странное название «Чукккала». Название это составлено из начального слога моей фамилии: ЧУ и последних слогов финского слова КУОККАЛА — так назывался поселок, в котором я тогда проживал. Слово «Чукккала» придумано Репиним. Художник деятельно участвовал в моем альманахе и под первым же своим рисунком (от 20 июля 1914 года) сделал подпись: «И. Репин. Чукккала».

К этой дате — к самому началу первой мировой войны — и относится зарождающиеся «Чукккалы».

Вначале это была тощая тетрадка, наскоро сшитая из нескольких случайных листов, — теперь это объемистый том в 790 страниц с четырьмя филиалами, относящимися к позднему времени.

Таким образом, в нынешнем году исполняется ровно полвека со времени ее появления на свет. Перечень ее сотрудников огромен. Среди них — Леонид Андреев, Анна Ахматова, Андрей Белый, Ал. Блок, Ив. Бунин, Макс. Волошин, Сергей Городецкий, Горький, Гумилев, Евреин, Зоценко, Вячеслав Иванов, А. Кони, А. Куприн, В. Маяковский, Осип Мандельштам, Федор Сологуб, Ал. Толстой и др. А также многие из современных писателей — Маргарита Алигер, И. Андроников, А. Архангельский, Мих. Кольцов, Эм. Казакевич, В. Лебедев-Кумач, К. Федин, Леонид Леонов, С. Маршак, М. Пришвин, Вячеслав Шишков, Виктор Шкловский.

9 февраля 1930 года Юрий Олеша написал в альманахе:

*«Самым решительным образом в этой
знаменательной книге утверждаю: стыдно*

сочинять. Нужно писать исповеди, а не романы. Важнее всех романов — самым высоким произведением тридцатых годов этого столетия будет «Чукккала».

8.

Вообще слово «Чукккала» давно уже успело войти в литературный обиход нашей эпохи. Оно встречается и в прозе, и в стихах. В своем известном послании ко мне Маяковский писал:

*Что ж ты в лекциях поешь,
Будто бы громила я,
Отношение мое ж
Самое премилое.
Не пори, мой милый, чушь,
Крыл не режь ты соколу,
По Сенной не волоку ж
Я твою «Чукккалу».
Скрыть сего нельзя уже:
Я мово Корнея
Третий год люблю (в душе!),
Аль того ранне.*

9.

Есть это слово и в стихах Пастернака:

*Юлил вокруг да около,
Теперь не отвертеться,
И вот мой вклад в «Чукккалу»
Родительский и детский*.
Их верно б надо выделить,
А, впрочем, все едино —
Отца ли воспитителю,
Или любимцу сына.*

И дальше Борис Леонидович образно говорит о «Чукккале», посвящая четыре строки —

*Питомице невянущей
Финляндских побережий,
Звезде Корней Ивановича
От встречного невежи.*

* То есть от имени поэта и его старшего сына Евгения, который трехлетним ребенком был в дружеских отношениях со мною.

10.

Самое слово «Чукккала» привлекало многих стихотворцев своим необычным звучанием, и они нередко поддавались соблазну подыскивать к этому слову возможно больше эксцентрических рифм. Этому соблазну поддавался один из участников «Чукккалы» (не поэт):

*Не с Корнеем Чукковским в контакте ли
Я решил испытать нынче дактили?
Если б мы здесь бутылку раскопали,
Я писал и писал бы в Чукккале,
Воспарил бы я дерзостней сокола,
Залестрела б стихами Чукккала.
Но могу без целебного сока ли
Приложиться достойно к Чукккале?*

11.

Теперь у моей бедной «Чукккалы» очень истерзаный вид. Дело в том, что во время войны, в октябре 1941 года, отправляясь в эвакуацию, я закопал эту книгу в ближайшем лесу, а соседский сторож, подглядев из-за кусточка, что я делаю, в тот же вечер через час или два выкопал ее из земли. Должно быть, он думал, что в ней бриллианты, и изодрал ее всю, чтобы как-нибудь добраться до них. За этим занимаем я и застал его, когда зашел к нему перед самым отъездом попрощаться и пожелать ему счастья.

12.

Мало кто знает, что замечательный грузинский поэт Паоло Яшвили мастерски владел русским стихом. Я познакомился с ним на Первом съезде писателей. Внимательно перелистав мою «Чукккалу», он мгновенно, с удивившей меня быстротой вписал в нее стихотворный экспромт по-грузински. Увидев, что я с тоскою всматриваюсь в непонятные строки, Паоло перевел их — стихами! — на русский язык:

*Какое чудное соседство:
Здесь Белый, Блок и Пастернак.
Я рядом занимаю место
Как очарованный простак.*

*Перевожу вам эти строчки
На несравненный русский лад —
Поэт мой любимой дочки,
А для меня — весь Ленинград.*

Паоло ЯШВИЛИ.
19 августа 1934. Москва.